

ПЫШЕЧКА

*Любовь, которая похожа
на солнечный удар*

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

— Дочери Евы —

Дочери Евы

Татьяна Тренина

Пышечка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тренина Т. М.

Пышечка / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2017 — (Дочери Евы)

ISBN 978-5-699-95929-7

На первый взгляд у Маргариты всё в жизни складывается как нельзя лучше: есть и любимая работа, и красавец-жених по имени Лев. Правда, друзья Льва не в восторге от его пассии. Мог бы найти девушку и постройнее, считают они. Но сама Рита из-за лишнего веса ни капельки не унывает. Даже когда в кафе к ней цепляется нахальная незнакомка с поучениями о том, что не стоит позволять себе десерты. Случившееся оказывается для Риты поворотной точкой, открывшей путь к истинному счастью и настоящей любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95929-7

© Тренина Т. М., 2017
© Эксмо, 2017

Татьяна Тренина

Пышечка

© Тренина Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Двадцать четвертого апреля, в час дня, термометр за окном показал ровно двадцать четыре градуса тепла. Забавное совпадение... Двадцать четвертого – двадцать четыре. Почти летняя температура!

Надо, пожалуй, в обед съесть мороженого – тут же, стоя у окна в своем рабочем кабинете, спонтанно решила Рита. И не потому так решила, что числа на календаре и на термометре совпали (можно подумать, знак!), а потому, что, оказывается, уже почти лето. Лето, которого девушка столько ждала.

Ведь лето – это, во-первых, любимое время года, когда день длиннее ночи и не надо кутаться в сто одежек. Влезла в платье и побежала навстречу солнцу...

Лето, во-вторых, самое красивое время года, поскольку летом все цветет, и она, Рита, как старший научный сотрудник ботанического сада в городе Терлеце (что недавно стал частью Москвы) имела к цветению растений самое прямое отношение.

И, в-третьих, самое-то главное – этим летом Рита должна выйти замуж. За самого красивого мужчину в Терлеце, между прочим.

Конечно, никто мужского конкурса красоты в их небольшом городке не проводил, но если бы такой все же случился – победителем наверняка выбрали бы Льва, жениха Риты. То и дело слышалось со всех сторон, и в шутку, и всерьез, изредка от мужчин, но чаще от женщин, конечно: «Лев Дмитриевич, вы просто красавец!» «Лёвушка, тебе бы в кино сниматься!» «Лёва, блин, с тобой ходить невозможно, все девушки только твои...» «Мужчина, это не вас недавно в рекламе по телевизору показывали?» «Лев, скажите, как вам удается держать такую форму, поделитесь секретом? А можно я своего мужа к вам на тренировки запишу?»

Жених Риты работал тренером в местном фитнес-центре, и основными клиентами Льва являлись дамы. Их, словно мух на варенье, так и тянуло к подтянутому, безупречно лощеному, но в то же время натурально мужественному красавцу, с хорошо прорисованными «кубиками» на животе...

Рита не ревновала его. Вернее, ревновала, конечно, но уже не сходила с ума от ревности, научилась с иронией относиться к популярности будущего мужа у женского пола. Это ведь его хлеб, в конце концов, – безупречная фигура, лицо, напоминающее лица многих киноактеров сразу. Поэтому женщины так рвутся записаться на занятия именно ко Льву Оленину, а не к какому-то другому тренеру.

Рита однажды наблюдала, проездом, из «маршрутки»: бежит по городу группа дам разного возраста в направлении лесного массива, все в элегантных спортивных костюмах, а впереди – Лев, весь такой серьезный и строгий. Остановились толпой у светофора. Загорелся «зеленый» – Лев, стоя посреди перехода, пропустил всех дам на другую сторону, подобно регулировщику передавая знаки автомобилистам: не трогайтесь, мол, с места, пусть и «красный» уже загорелся...

– Я тебя сегодня видела, – со смехом призналась потом жениху Рита. – Тебя и толпу твоих почитательниц. Бежали к лесу, и ты мужественно прикрывал их от автомобилей.

– А, это мы на тропу здоровья сегодня направлялись, – меланхолично кивнул Лев. – Но вот ты смеешься, а ведь на мне ответственность, чтобы эти курицы под колеса не попали! Зна-

есть, по отдельности вроде нормальные умные женщины, а как соберутся вместе, и соображать перестают...

Именно с тех пор Рита поняла, что Лев относится к окружающим его особам с терпеливой снисходительностью. Они не женщины для него вовсе, а просто клиентки. А любил он лишь ее одну, Риту. Любил столь сильно, что был готов надеть себе на шею ярмо брака.

Да, ярмо... Конечно, грубое и жестокое сравнение, может быть, и неуместное даже, – но как иначе обозначить степень несвободы для красивого, избалованного женским вниманием мужчины? И достаточно молодого причем – Льву всего лишь тридцать три года, по нынешним временам мог бы и не торопиться с женитьбой.

...Рита заперла свой кабинет, вышла из домика, служившего административным зданием (на двери табличка с незамысловатым названием ботанического сада-музея – «Эдем»), и мимо грядок с разноцветными кудрявыми гиацинтами направилась к цветочному магазину.

На территории ботанического сада располагался и магазин цветов – там в основном торговали саженцами, растениями в горшках, которые выращивались в оранжерее специально для продажи. Но на двери, ведущей в магазин, висело написанное от руки объявление: «Закрето». Значит, Марина, продавщица в цветочном и она же близкая подруга Риты, уже куда-то убежала...

Во внутреннем дворике магазина находился еще и обширный вольтер. В нем жил енот-полоскун Сёма – безудержный хулиган, воришка, обжора, вредитель и всеобщий любимец. Увидев Риту, Сёма жалобно заверещал, заметался за железной решеткой. Рита подошла ближе, Сёма потянулся к ней сквозь прутья черными, изящными, почти человеческими лапками.

– Ты попрошайка, Семен, – строго покачала головой Рита. Достала из кармана платя сушку, протянула ее еноту. Марина, являвшаяся по совместительству «матерью» зверька, давно проинструктировала свою подругу: печенек Сёме не давать, у него и так ожирение похоже, а вот сушки можно.

Енот схватил сушку и принялся ее сосредоточенно грызть. «Голодный, наверное, – жалостливо подумала Рита. – Обычно он еду в своем корыте размачивает, а тут сразу накинулся... Доведет его Маринка своей диетой! И куда она пропала, интересно?»

Но ждать подругу Рита не стала (обеденное время не резиновое!), вышла через калитку в город, и направилась к ближайшему кафе. А там, оказывается, уже открыли летнюю веранду. Возможно даже только что: столики – идеально чистые, вокруг них аккуратно расставлены пластиковые стулья.

Рита села с краю, у свежеекрашенного низкого заборчика – с этого места было видно всю улицу.

С крыльца спустилась молоденькая официантка:

– Здравствуйте! Вот меню, пожалуйста...

– Не надо меню, – важно произнесла Рита. – Вы мне лучше дайте мороженого. Знаете, такого, шоколадного. С прошлого лета его не пробовала. Шарика три. И все, больше ничего не надо. Счет только сразу принесите, хорошо? А то у меня обед, задерживаться нельзя.

Официантка просияла понимающей улыбкой, кивнула и застучала каблучками обратно по ступенькам.

Рита откинулась назад, на спинку стула. Солнце грело затылок, и ветра почти не ощущалось. Томное, невесомое тепло льнуло к ее телу со всех сторон... Рядом в окутанных зеленой дымкой кустах весело шумели воробы.

«Интересно, кого назначат директором нашего сада? Говорили, сегодня станет известно... – задумалась Рита. Потом мысли ее внезапно метнулись в другую сторону: – А, и надо домой ко Льву зайти в ближайшее время, обсудить детали банкета! Только чтобы и Варя, и Софья Петровна тоже присутствовали при обсуждении, а то они обидятся...»

Варя являлась родной младшей сестрой Льва и бывшей одноклассницей Риты, а Софья Петровна была матерью Вари и Льва. И Варя, и Софья Петровна активно участвовали в организации грядущей свадьбы. К Рите, которую они знали с детства, будущие родственницы относились очень хорошо.

– Вот, прошу. – Официантка принесла мороженое в большой креманке, рядом с ней на стол положила счет в кожаной книжке.

Рита сразу сунула в книжку купюру, придвинула к себе креманку:

– Спасибо, сдачи не надо.

– Спасибо вам! – Официантка, все также сияя улыбкой, подхватила книжку под локоть и исчезла за дверями кафе. Рита осталась на летней веранде одна.

...Мороженое оказалось *правильным*. То есть именно о таком и мечтала Рита. О мягком, густом пломбуре, в котором наполнитель не горьковатый и резкий из-за большого количества какао, а бежево-розовый на вид и умеренно-шоколадный на вкус, нежный. А еще прохладное лакомство было без дурацких, ненужных добавок. Ни орешков в нем, ни кусочков печенья, ни шоколадных крошек, которые, по мнению Риты, только мешали, отвлекая от основного вкуса...

Лето и мороженое. Тепло снаружи и прохлады на языке. Уютные воспоминания детства и счастливое будущее. Рита черпала ложкой мороженое, клала его в рот и чувствовала, что глаза ее непроизвольно жмурятся от удовольствия.

Неподалеку за забором легкой тенью мелькнула, проходя мимо, тоненькая молодая женщина в белом мини-платье и легком сером плащике нараспашку. Она мельком глянула на Риту. Волосы у прохожей коротко стриженные, белого цвета, с темно-пепельными корнями, со лба же сбоку спускалась длинная прядь – челка, закрывающая половину лица и опускающаяся вниз острым углом. Лихая и в то же время очень женственная прическа. Женщина-травести. Такие обычно играют в театральных постановках мальчишек...

«Травести», оказавшись в конце забора, вдруг резко развернулась и направилась обратно все той же невесомой, стремительной походкой.

Рита тем временем находилась как раз в самой середине процесса поедания мороженого, когда оно достигает апогея своего вкуса – еще плотное, но уже лишившееся ледяной твердости.

«Травести» остановилась напротив Риты. «Мы с ней знакомы, что ли? А, наверное, видела меня на экскурсии... Я-то всех посетителей не помню, а они меня – да, часто на улице подходят. Только чего она такая мрачная?» – лениво подумала Рита. Она, будучи сотрудницей ботанического сада, почти каждый день проводила там экскурсии для посетителей. Поэтому Рита ничуть не удивилась вниманию прохожей; облизнула ложку и произнесла приветливо:

– Добрый день.

Незнакомка молчала, продолжая внимательно смотреть на Риту. Откинула коротким привычным жестом челку с лица. И, пожалуй, в огромных светло-серых глазах незнакомки засветилось нечто недоброе. Осуждение, что ли?

– Простите, вы на меня так смотрите... Мы знакомы? – опять приветливо произнесла Рита.

– Нет, мы не знакомы, – красивым, нежным, каким-то даже кукольным в тон ее внешне-сти голосом произнесла «травести». – Я вас в первый раз вижу. Но это ужасно, послушайте...

– Что ужасно? – испугалась Рита и даже оглянулась на всякий случай – вдруг за ее спиной творится нечто ужасное, а она этого не замечает. Но сзади ничего особенного не наблюдалось. Павильон, пустые столики...

– Вы понимаете, что вы делаете? – строго спросила незнакомка.

– Что? – насторожилась Рита.

– Вы едите мороженое. Вы, при вашей комплекции. Как можно! Я бы на вашем месте одну пустую воду пила, пока вес не сбросила бы... А вы – едите мороженое! – в тоненьком голосе незнакомки зазвенел металл.

«Сумасшедшая, – устало подумала Рита. – Хотя в чем-то она права. Но я же раз в год себе это мороженое позволяю! Стоп, а я что, уже оправдываюсь, чувствую себя виноватой?»

– Я учту ваше замечание, – спокойно произнесла Рита. Она надеялась, что уличный разговор с незнакомкой будет на этом закончен.

Но нет, прохожая и не думала униматься:

– Как можно так распусться... Сколько вы весите? Килограмм девяносто?

– Восемьдесят, – спокойно ответила Рита. На самом деле она немного округлила это число, в ней на данный момент было восемьдесят два килограмма.

– Восемьдесят?! Да это почти две меня. Послушайте, но это же отвратительно для женщины, для молодой девушки – набрать такой вес, ведь не за один день вы поправились, да?

– Не за один. Но, послушайте, приставать к незнакомым – это тоже ужасно, разве нет? – вежливо произнесла Рита.

– А кто вам еще скажет правду!

– Послушайте, я знаю правду. И... идите отсюда, ладно? – миролюбиво произнесла Рита.

– Вас же никто замуж не возьмет, – тем временем продолжила незнакомка, все таким же непреклонным тоном. – Кому нужна такая толстая жена?

– Вас так моя личная жизнь беспокоит? – пожала плечами Рита. Она старалась вести себя невозмутимо, но внутри у нее внезапно закипело. – У меня все в порядке. Я скоро замуж выхожу, между прочим.

– Это ничего не значит! Думаете, ваш брак долго продлится? И не надейтесь! Муж вас бросит. Бросит, вы понимаете?! Потому что невозможно жить рядом с горой жира.

Рита всегда считала себя неконфликтным человеком, легким и веселым. Но тут странным образом незнакомка словно разбудила в ней зверя. Она, Рита, – гора жира?! И Рита сделала то, чего никак от себя не ожидала – она взяла и... бросила. Бросила мороженое в незнакомку. Именно так – Рита схватила в руку креманку, словно олимпийский факел, и швырнула ее содержимое через забор. Прямо в лицо белобрысой хамке.

Мороженое залепило молодой женщине лицо, а затем быстро потекло вниз, растекаясь густыми коричневыми ручьями по белому платью.

Рита даже не ожидала, что окажется столь меткой. «Мамочки, что же я натворила... – испуганно подумала она, глядя на то, как «травести», стоя за забором, ладонями пытается смахнуть с ресниц шоколадную жижу. – Но с другой стороны, а почему я должна была терпеть чьи-то бесцеремонные приставания?!»

– Ах ты, наглая корова... – простонала плачущим голосом незнакомка. Разлепила наконец веки, заморгала. Принялась уже машинально ладонями смахивать с платья потеки мороженого... Впрочем, это мало помогло делу – мороженое лишь еще сильнее размазывалось по белому платью, темными каплями шлепалось вниз, на светлые туфли молодой женщины. – Толстое чудовище... ты у меня за всё заплатишь! Я тебя в тюрьме сгною... у меня муж юрист, мы тебя посадим...

Незнакомка испачканными пальцами полезла в сумочку, достала оттуда мобильный телефон.

Рита растерянно наблюдала за тем, как женщина пытается набрать чей-то номер, а телефон скользит в ее пальцах... Наконец незнакомке удалось это сделать, и она прижала испачканный мобильник к уху:

– Алло. Евдоким? Ты где? Срочно ко мне... У меня беда. Напали, посреди бела дня... Нет, я не шучу! То кафе, на углу, мы в нем на прошлой неделе сидели, помнишь? Да, да... Вот тут это и случилось. Беги скорее, я тебя умоляю!

Рите стало совсем не по себе. Это что же такое получается, сейчас сюда еще какой-то Евдоким прибежит? Рита беспомощно оглянулась на сам павильон, что располагался сзади – возможно, внутри самого кафе, из его окон кто-то наблюдал за происходящим? Но нет, окна

занавешены белой кисеей, даже непонятно, сидит ли кто в зале... А официантка, судя по всему, и вовсе забыла о Рите. Ну да, заказ выполнен, расчет произведен, ни о чем не надо больше беспокоиться...

Рита тоже достала свой мобильник из сумочки, но сделала следующее – включила функцию видеозаписи, и направила камеру на незнакомку за забором. Может, хоть это поможет как-то избежать неприятностей? Наверное, с самого начала надо было зафиксировать весь этот скандал на видео...

– Ты что делаешь? Что делаешь, а?! – еще сильнее распахнулась миниатюрная блондинка.

– Как что, – пожала плечами Рита. – Пытаюсь записать вашу ругань на телефон. Вы ко мне приставали, провоцировали.

– Я? Это ты ко мне первая полезла, это ты в меня мороженым кинула... Ах ты...

«Травести» схватилась обеими руками за забор, попыталась перекинуть через него ногу. «Только драки не хватало!» – с тоской подумала Рита, продолжая фиксировать происходящее на видеокамеру своего телефона.

Женщине удалось перелезть через забор, и она кинулась к Рите. Рита вскочила, подвинула пластиковое кресло прямо под ноги своей преследовательнице, обежала стол.

«Травести» кинулась влево, Рита – от нее, вокруг стола. В этот момент неподалеку, на дороге, притормозил большой черный автомобиль, из которого выскочил бородатый крупный мужчина в темном костюме и побежал прямо к летней веранде. Одним движением перемахнул через забор.

– Элла... Элла! – стальным голосом произнес мужчина. – Так, что происходит?

– Ты посмотри, что она со мной сделала... – плачущим голосом пожаловалась обозленная незнакомка, указывая на свое испачканное платье.

Мужчина оглядел перепачканное платье своей супруги, затем перевел взгляд на Риту.

– А, это вы тот самый Евдоким, – мрачно произнесла Рита. – Тот юрист, который меня в тюрьме должен сгноить, как мне недавно пообещали...

– Уберите телефон, девушка, давайте спокойно во всем разберемся, – бросил в сторону Риты Евдоким, тем временем крепко хватая за плечи рыдающую супругу, которую, как оказалось, звали Эллой. «Она уже и рыдает... – обреченно подумала Рита. – Что же я натворила! Но этот Евдоким, кажется, адекватный человек, кулаками не стал с ходу махать, собирается сначала все выяснить...»

– Давайте разберемся, – кивнула Рита.

– Ты представляешь, иду я мимо, а эта деваха со мной вдруг здоровается... Я с ней тоже поздоровалась на всякий случай – думаю, может, просто какая-то знакомая... – всхлипывая и пошатываясь в руках мужа зачастила Элла.

– Ложь, – вздрогнула Рита. – Вы сами подошли ко мне, дама. Если тут есть где-то видеокамера на здании, то она должна этот момент зафиксировать. Очень жалею, что не сразу стала снимать всё это безобразие. Вы подошли и стали оскорблять меня.

– Элла? – Евдоким слегка встряхнул за плечи свою жену.

– Да она врет всё! Пусти... Ты сам посмотри, она в меня мороженым швырнула, в кого она меня превратила!

– Только после того, как вы, гражданка, меня называли «горой жира». А до того самым бесцеремонным образом распекали – как я могу есть мороженое при моем весе... И дали неутешительный прогноз на мое будущее и на мою личную жизнь... Только тогда я и кинула в вас мороженым, – с холодной яростью произнесла Рита. – Вы просто удивительного мастерства провокаторша!

– Я ничего вам не сделала, а вы... – Элла с легкостью опять перешла с «ты» на «вы». Повернула голову к мужу: – Послушай, у нас ведь есть все основания засудить эту хулиганку? Она должна заплатить за испорченную одежду, за моральный ущерб, в конце концов?

И тут случилось нечто странное.

Вместо того чтобы поддержать свою жену, бородатый Евдоким вдруг потянул ее в сторону, к выходу.

– Что ты делаешь? – затрепетала в его руках нахальная блондинка.

– Элла, мы не будем ни с кем судиться.

– И мы оставим всё вот так?!

– Пожалуйста, я тебя прошу, детка... – Бородатый Евдоким наконец дотащил Эллу до своей машины, запихнул жену в салон. Хлопнула дверца, и машина сорвалась с места...

Рита еще пару минут стояла посреди летнего кафе, растерянная и ошеломленная. Она не могла понять, что именно сейчас произошло, как относиться к этому скандалу, случившемуся вдруг, на пустом месте, и так же стремительно закончившемуся.

– Ладно... – наконец махнула она рукой и побрела к выходу. У киоска с газетами остановилась, посмотрела на свое отражение в стекле.

Не худышка совсем, да. Но и не гора жира, как только что Риту назвали! «Муж вас бросит», – безапелляционно заявила Элла Рите. «А разве худых не бросают? Разве не бросают умных, красивых, успешных?» – мысленно возразила своей противнице Рита.

Она повернулась, оценивающе оглядела себя сбоку. Талия есть, есть и высокая грудь, и вот еще сзади выдающаяся часть... Все эти соблазнительные формы упакованы в цветастое длинное платье, а образ завершают задорные светлые кудряшки. Словом, симпатичная девушка сейчас смотрела на Риту в отражении. Пожалуй, немного пышка, надо честно признать. Но именно пышка, а не толстуха. Или все-таки окружающие видят в Рите толстуху?

Рядом раздался автомобильный сигнал. Рита вздрогнула, оглянулась – из черной машины, остановившейся напротив, вылез тот самый бородач, муж Эллы. Как его... Евдоким. К счастью, Эллы в салоне авто не наблюдалось. Вероятно, мужчина где-то уже успел высадить свою скандальную супругу.

– Подождите, – решительно произнес Евдоким.

– Что? – нахмурилась Рита, невольно отшатнувшись.

– Да не пугайтесь вы так. Инцидент исчерпан. Я не затем, чтобы дальше выяснять отношения. Просто... Вы, пожалуйста, не показывайте никому эту запись на телефоне.

Мужчина говорил спокойно, разгневанным не выглядел. Скорее очень уставшим, даже измученным.

– Не буду. Я и не думала, – вздохнула Рита. – Я... и сама не понимаю, что такое сейчас произошло. Себя не узнаю, вот что плохо. Странное ощущение... Будто со мной что-то сделали, насильно. Нет, нет, я не собираюсь сбрасывать с себя ответственность, но я действительно виновата. Простите. И у Эллы, супруги вашей, попросите за меня прощения. Нашло на меня что-то!

– Верю. Да и не похожи вы на хулиганку, – усмехнулся Евдоким.

– Самое ужасное, что я действительно первой заговорила с вашей супругой! – Рита схватилась за голову. – Она ничего не придумывала... но... Но как это было? Она прошла мимо, посмотрела на меня. Потом вернулась и встала напротив. Я ем мороженое, у меня сейчас обеденный перерыв, а она стоит и смотрит. Стоит и смотрит прямо на меня в упор! И да, я с ней поздоровалась, я с ней первая заговорила. Но не могла же я молчать, я спросила ее, не знакомы ли мы. А она, ваша жена, говорит, что нет. И потом начинает: что я не имею права есть мороженое, потому что я толстая, что я никогда не выйду замуж... А я ей тогда: «Как не выйду, у меня скоро свадьба!» А она мне: «Муж все равно вас бросит, потому что невозможно

жить рядом... рядом... с горой жира». Вот я и кинула в вашу Эллочку мороженым, – шепотом закончила свой бессвязный монолог Рита.

Евдоким прикрыл глаза. Опять вздохнул. Затем спросил устало:

– Вас подвезти, может?

– Что? – опешила Рита. – Нет, я тут работаю, рядом. Нет, нет, спасибо, – Рита махнула рукой.

– Погодите. Как вас по имени, я не знаю, извините...

– Маргарита.

– Маргарита, очень приятно. Меня Евдоким зовут, вы уже знаете. – Мужчина едва заметно улыбнулся. – Вы вот что, Маргарита... Не берите ничего в голову. Вы прекрасная и замечательная, и дай вам бог счастья в супружеской жизни. Дело в том, что моя жена... она иногда чересчур эмоциональная. Лезет куда не надо. – Он взъерошил волосы у себя надо лбом. – Я ее сейчас домой отвез и сразу назад, хотел извиниться перед вами.

– Но в чем-то она права, – с горечью произнесла Рита. – Я правда толстая. И лучше мне не покупать мороженого. Но я же его один раз в год ем, один раз! Да... и я не должна была кидаться им в вашу супругу, Евдоким.

– Так, мороженое. Вы так и не успели им насладиться? Своим любимым лакомством? Давайте как-нибудь встретимся, и я угощу вас мороженым, хорошо? – Евдоким протянул Рите визитку.

– Ой... нет. Но спасибо... – Рита машинально, по привычке сложила визитку Евдокима к себе в сумочку, вытянула – тоже на автомате – свою и протянула ее Евдокиму. – Всего доброго, мне пора!

– До свидания, – вежливо произнес мужчина.

– До свидания! – крикнула Рита. Она перебежала дорогу и зашагала вдоль ограды ботанического сада (кованой, старинной, очень красивой) по направлению к главному входу. Рита надеялась найти Марину там.

По дороге Рита размышляла: «Возможно, жена Евдокима сумасшедшая. Да, точно, Элла не в себе. И Евдоким это, конечно, *знает*. Поэтому он сразу встал на мою сторону. Он, верно, уже давно пытается как-то усмирить свою супругу, привык сглаживать все конфликты, которые та затевает. Не в первый раз скандал случился. Элла, наверное, ко многим приставала и до меня. Она просто больной, несчастный человек. Но тогда я совсем скверно поступила... В бедную больную женщину мороженым швырнула, как нехорошо! Поэтому на будущее надо в любой, в любой ситуации держать себя в руках, что бы ни случилось, как бы ни оскорбляли, ни выводили из себя...»

Рита свернула за угол, на центральную улицу. Именно там находился главный вход в ботанический сад «Эдем», который являлся бывшей усадьбой князей Терлецких. Когда-то давно, лет триста назад, князь Андрей Терлецкий, ботаник-любитель, принялся разводить в своей усадьбе диковинные растения. Это занятие продолжили и поддержали его потомки.

После революции усадьбу национализировали, оставшиеся из рода Терлецких уехали за границу. Не сразу сад превратился в городской парк, любимое место отдыха всех местных жителей. За экспозицией редких растений бережно ухаживали, и даже в тяжелые годы войны сотрудники ботанического сада сумели отстоять эти живые «богатства».

Но в девяностые годы у бывшей усадьбы опять начался тяжелый период... Денег не было, уникальная экспозиция гибла. Вдруг, словно из небытия, появилась женщина – княгиня Наина Игоревна Терлецкая, гражданка Франции. Она сумела доказать свою причастность к родовой усадьбе и вернула ее себе. Все свои личные средства княгиня бросила на восстановление «Эдема».

Так поменялся статус ботанического сада-музея – он теперь стал частным, хотя, как и прежде, туда мог попасть любой желающий.

Правда, Наина Игоревна, дама энергичная и занятая, хотя и в возрасте (на нынешний момент ей исполнилось шестьдесят семь лет), управляла «Эдемом», находясь довольно далеко от него, – из Франции.

В конце марта этого года ушел на пенсию прежний директор сада, и со дня на день его сотрудники (около двадцати пяти человек в общей сложности) ждали назначения нового директора. Кто станет главным распорядителем этого цветочного рая? Назначит ли Наина Игоревна на эту должность кого-то из нынешних сотрудников, или появится новый человек, со стороны...

У входа в сад, у красивых ажурных ворот, находилась касса. Вход в «Эдем» был платным, но по нынешним временам плата была не особо высокая, к тому же существовало множество льгот для разных категорий граждан. Пенсионерам и маленьким детям и вовсе разрешено гулять по аллеям бесплатно, ну а тем, кто желал приходить в сад каждый день, предоставили возможность купить абонемент на весь год. Абонемент стоил около трех тысяч рублей. Все собранные деньги уходили на содержание сада и на зарплату сотрудникам.

Когда Рита появилась у ворот, у кассы толпилась небольшая очередь, а чуть в стороне, у самого входа, напротив охранника Геннадия (он же проверял билеты) стояла женщина с коляской. И судя по всему, молодая мама в данный момент отчаянно препиралась с охранником.

К ним и направилась Рита.

– ...а я говорю, не положено! – набычившись, вещал Геннадий – угрюмый, корявый дядька лет пятидесяти.

– Но у меня нет с собой денег, понимаете... Я вообще без кошелька сегодня вышла! Где мне еще с ребенком гулять, почему я не имею права...

– Мало ли дворов вокруг, где бесплатно гуляют. И вообще, раз уж вам именно сюда приспичило, купите абонемент, да и ходите сколько влезет!

– Три тысячи ваш абонемент стоит! – яростно сопротивлялась молодая мать, нервно дергая коляску вперед-назад. – Где я такие деньги возьму?

– Геннадий, пропусти девушку, – приблизившись, спокойно произнесла Рита.

– А чего! – нахмурился тот.

– Геннадий, пропусти девушку, ты слышал? – улыбаясь, повторила Рита. – Проходите, пожалуйста, девушка, постарайтесь в другой раз купить абонемент, это очень выгодно...

– Повадились тут, на халяву... – Охранник отступил назад, неохотно пропуская за ворота молодую мать с коляской. – Мы, Маргарит Сергевна, разоримся скоро с такими порядками.

– Мы разоримся, если скандалы будем у входа устраивать, – показав глазами на очередь, прошептала Рита.

– А вы тут не главная, – с презрением произнес Геннадий.

– Да и ты тоже не имеешь права с посетителями ругаться. Послушай, но ведь правда, нельзя так... Это же мама с ребенком! Ладно бы пьяный какой лез без билета!

– Ага, а чего она рожала, если даже трех тыщ на абонемент у нее нет!

– Опять ты чужие деньги считаешь! – шепотом произнесла Рита. Но дальше пререкаться с охранником не стала, прошла на территорию сада.

У административного здания Рита столкнулась с Мариной и воскликнула:

– Вот ты где!

– А ты где была? – всплеснула полными руками Марина, являвшая собой тип настоящей рубенсовской красавицы. Пожалуй, если бы сегодня Элле встретилась не Рита, а Марина с мороженым, то неизвестно, чем бы все закончилось... Возможно, трепетную Эллу просто хватил бы удар, если бы она увидела stodvackatikiлограммовую продавщицу из цветочного магазина, поглощающую сладкое лакомство.

Рыжеволосая, буйнокудрявая, в ярком зеленом платье, обтягивающем все ее необъятные формы, на фоне начинающих расцветать растений – Марина показалась сейчас Рите богиней Флоры.

– Я на обед ходила. Взяла мороженое, и, ты представляешь, какая-то прохожая заявила, что я с моим весом не имею право его есть...

– Ничего себе. Так и сказала? Тебе? Да ты же худышка по сравнению со мной... И, заметь, я себе ни мороженных, ни пирожных не позволяю! Ем как мышка, и... погоди, я не о том, – сбилась подруга. – Сейчас наши собирались в отделе суккулентов, и Анисимова сказала (ну ты же знаешь, наша Анисимова всегда в курсе всего), что завтра прибудет новый директор! – с торжеством выпалила Марина.

– Ой... А кто он, известно? Или она? – сразу забыв о неприятном инциденте, с любопытством спросила Рита.

– Какой-то Бортник.

– Кто? – вздрогнула Рита. Эта фамилия показалась ей знакомой. – Мужчина или женщина?

– Мужик. Молодой еще, ему всего тридцать, слышала.

– Не Николай ли по имени?

– О, точно. Николай Бортник, Анисимова так и сказала. А ты что, его знаешь?

– Кажется, знаю. Если это тот самый Бортник, конечно, – растерянно улыбнулась Рита. – Коля Бортник, мой однокурсник по биологическому факультету и моя бывшая любовь. Он на два года меня старше. Ему сейчас как раз тридцать должно исполниться, точно. Моя первая любовь, – подумав, добавила она.

– Да?! Послушай, это же отлично! Или нет, наоборот... Ты же замуж выходишь, а тут...

– Марина, Марина, не фантазируй, у нас с Николаем все давно в прошлом, и вообще...

– А ты как, это ты его бросила или он тебя? Если ты его, то я даже не знаю... А вдруг он до сих пор на тебя обижен?

– Нет. Хотя... – покачала головой Рита. – Все гораздо сложнее. Впрочем, это я ему предложила разойтись.

– Потому что он другую нашел? Слушай, а вот он явится сюда в скором времени и поймет, что напрасно расстался с тобой, и его сердце...

– Да нет у него никакого сердца! – сердито засмеялась Рита. – Перестань фантазировать, подобные истории лишь в твоих любимых мелодрамах случаются, но не в обычной жизни. На самом деле всё скучно и банально. Просто мы с Николаем разные люди оказались. Не получилось у нас с ним. Он наверняка сейчас женат, дети у него, возможно. И... и хватит об этом.

Рита ушла к себе в кабинет, закрыла дверь.

Принялась набрасывать план завтрашней экскурсии о цветении первоцветов – для младшеклассников, но с трудом могла сосредоточиться.

Николай Бортник, ну надо же...

Возможно, это совсем другой Бортник, не тот, не Ритин бывший, однако слишком много совпадений. И потом Николай во время учебы был лучшим в группе, получил по окончании вуза красный диплом. Преподаватели прочили ему научную карьеру. Наверное, Терлецкой рекомендовали Николая как перспективного молодого ученого. Хотя работа в ботаническом саду – это немного другая область деятельности. Да, тут многие из работников занимались какими-то исследованиями в области ботаники, писали диссертации, публиковали научные работы... Но директор сада – это тот, кто в первую очередь должен решать насущные бытовые вопросы. Не ученый, но хозяйственник! Где раздобыть материалы для новой оранжереи, когда закупать удобрения для растений... Да, а еще надо организовать слаженную работу всех сотрудников!

После известия о том, что, возможно, скоро здесь появится ее бывший возлюбленный, Рита не знала, печалиться ей или радоваться.

Из-за чего Рита рассталась с Николаем, почему? Все просто и даже смешно – из-за лишнего веса Риты. Она всегда была пухляшкой, сколько себя помнила, с детства «носила» на себе пять-семь килограмм лишнего веса в разные периоды времени. Когда в Рите было всего лишь килограмм пять лишних (субъективно, конечно, говоря, ибо нет абсолютных критериев для определения того, что является лишним, а что – нет), у нее с Николаем Бортником и случился роман.

Сентиментальный роман... Порядочный юноша и порядочная девушка. Цветы, свидания, сумасшедшие поцелуи, улыбки и шуточки однокурсников.

В сущности, Николай являл собой тип примерного, положительного молодого человека. И увлечения у него, если вспомнить, выглядели тоже какими-то особо «положительными»... Он не пиво распивал в свободное время, а собирал модели машин (игрушечных), рисовал карты каких-то фантастических стран, ходил в туристические походы, играл на гитаре. Каждый выходной юноша был в пути, разведывал новый маршрут. Рита, изнеженная городская жительница, походов не признавала, а вот Николай старался не пропускать их. А уж большую часть летних каникул он посвящал какому-нибудь долгому, далекому путешествию с такими же любителями туризма. Однажды уехал на целое лето вместе с друзьями куда-то на Алтай, что ли. Нет, юноша не изменял Рите с другими девушками (хотя кто знает). Просто однажды, вернувшись из затяжного похода спустя два с половиной месяца, он не узнал своей подруги: Рита за это время умудрилась сильно поправиться. Аж на рекордные десять килограммов.

В тот период Ритина мама уехала за границу, к новому мужу, и Рита осталась одна. Тосковала, страдала, заедала горе шоколадными конфетами... и поправилась неимоверно. А Николай лишнего веса в девушках не признавал. И раньше подсмеивался над ее «аппетитными» формами: незлобно, зато постоянно... Теперь же у Риты было пять плюс десять, уже все пятнадцать лишних килограммов.

Вот так получилось, что с сорок шестого российского размера Рита резво перешла на пятидесятый. Новый гардероб, не слишком удачный, совсем не украсил ее, поскольку девушка покупала в магазинах одежды первое, что попадалось под руку, не разобравшись, что ей идет в этой ее «конфигурации», а что нет... А Николая сильно шокировали те перемены, что произошли с подругой в его отсутствие.

Рита чувствовала, что обновки ей не идут, и поэтому стеснялась, сутулилась, ходила с несчастным, испуганным лицом, не зная, как реагировать на замечания возлюбленного и окружающих, которые всеми возможными способами тоже пытались донести до нее, что она поправилась... Донести – иногда в деликатной форме, иногда довольно грубо и бесцеремонно. Но даже деликатные намеки заставляли Риту страдать. Зачем постоянно напоминать о том, что она поправилась? Она и так знает. И сама от этого не в восторге. Она сама мечтает вновь похудеть, но ведь за один день сбросить вес невозможно...

От огорчения Рита еще больше стала налегать на бесполезные продукты – сладкие, калорийные, но зато дающие ощущение счастья, удовольствия... Ведь в остальном ее жизнь в новом теле представляла сплошной стресс. За довольно короткое время Рита набрала еще килограмм десять и соответственно еще дополнительных два размера. Теперь она с ностальгией вспоминала себя в пятидесятом размере. Она понимала, что теперь ей еще сложнее сбросить вес, еще больше времени уйдет на это. Именно в этот момент они с Николаем и расстались. Конечно, он не говорил напрямую, что не может встречаться с такой толстухой, как Рита, воспитание ему не позволяло, но всем своим видом каждый раз, когда встречался с ней, Николай выражал и взглядом, и поведением неприятное изумление. И предлагал подруге провериться у эндокринолога. Ведь внезапный набор веса может быть вызван сбоем в гормональной системе! А если

дело не в гормонах, то тогда Рита должна срочно сесть на диету и заняться спортом, ну хотя бы начать бегать по утрам или записаться на фитнес...

Николай, вероятно, считал, что подобными высказываниями и советами поддерживает свою подругу, но на самом деле еще больше загонял Риту в стресс, постоянно напоминая, что с ней что-то не так, что надо срочно что-то делать! Бегать по десять километров утром, отжиматься на тренажерах, потеть до десятого пота... У Риты же сил на физические нагрузки не хватало. Вообще. Мало того что она постоянно испытывала душевные страдания, так ей еще и физическими упражнениями предлагали терзать свое несчастное тело!

Гормоны свои она проверила – с ними все оказалось в порядке. Врач сказал Рите, что ее проблемы с весом – результат скорее нервно-психологического характера, и посоветовал не жесткую диету, а правильное питание и небольшие физические нагрузки.

По воспоминаниям Риты, это было ужасное время. Словно весь мир ополчился на нее, и все окружающие твердили только об одном: такой нельзя быть, надо срочно меняться, надо что-то делать!

Диеты не помогали Рите, а эффект от всевозможных лекарственных чудо-средств длился недолго. Да и побочных действий этих лекарств никто не отменял. В результате Рита поправилась еще на десять килограммов.

В один прекрасный день Рита вдруг проснулась с мыслью, что все это ей надоело. Надоело находиться в вечном стрессе, надоело переживать из-за насмешек и подтрунивания окружающих... Будь как будет. Она – вот такая. Пышка. И это данность. Возможно, Рита и дальше продолжит толстеть. И что теперь... Но отныне она будет есть то, что хочет: надоело считать калории, замечать, сколько времени осталось до сна и сколько после него. Рита решила не терпеть голода вообще.

Первое время, после того как девушка приняла решение дать себе волю, она еще продолжала поправляться. Ее тело требовало шоколадных конфет и жареной курочки, да еще порой и на ночь... Но потом безумный голод вдруг сам по себе стал затихать. Организм понял, что его никто не собирается лишать вкусной пищи. И душа тоже успокоилась, смирилась, когда Рита приняла себя такой, как есть. Ну да, она – пышка. И вот именно тогда, когда Рита перестала думать о еде, она и начала потихоньку худеть.

Спортом всерьез девушка так и не смогла заняться – не ее это. Но зато много ходила пешком в своё удовольствие и два раза в неделю плавала в бассейне. Тоже не изнуряя себя, плавать она любила.

Сначала исчезли первые десять килограмм. Потом пропала потребность в жареном, калорийном, сладком. Конечно, если вдруг Рите хотелось съесть что-то не особо полезное, она никогда себе в этом не отказывала. Вот как с мороженым сегодня, например. Захотела и – съела (вернее, попыталась съесть, если бы Элла не помешала).

Абсолютная свобода, которую Рита позволила себе в выборе пищи, в ее количестве, во времени ее приема, дало ей ощущение покоя. Раз можно всё, то уже и не хочется особо запретного плода... Парадокс, но таким образом у Риты ушло еще десять килограмм, без особых усилий и страданий.

И вообще никаких страданий и угрызений совести, сомнений в себе! Рита, все еще оставаясь пышкой, стала прежней – веселой и энергичной. Полюбила вновь одеваться со вкусом, находила наслаждение в нарядах, которые ей были к лицу. Влюбилась, у нее случился роман с братом бывшей одноклассницы, красавцем Львом Лениным... В этих отношениях Рита тоже дала себе полную свободу – пусть будет, как будет, не надо ничего добиваться специально. И вот прекрасный результат – этой весной Лев сделал Рите предложение...

Но сегодняшний день вновь заставил ее призадуматься, испытывать угрызения совести, чувствовать себя не соответствующей современным эталонам. Ах, эта Эллочка-людоедка с ее праведным гневом, направленным против толстух... И завтра здесь появится и Николай.

Наверняка узнает Риту, опять сделает большие глаза и скажет с валяющей с ног честностью: «О, да ты похудела вроде? Но ты только не останавливайся на достигнутом, у тебя есть еще над чем поработать!»

«И ведь действительно скажет, – думала Рита, сидя в своем кабинете перед погасшим монитором. – Но это ж так сбивает, так мешает – чужая оценка... Вызывает чувство вины, смущение. Вот зачем я съела сегодня мороженое? А если это начало очередного приступа обжорства? Лев готов принять меня в моем размере, совсем не маленьком, да, но если я опять поправлюсь килограмм на двадцать – как мой любимый к этому отнесется? А что тогда делать со свадебным платьем, что висит у меня дома в шкафу, которое было куплено месяц назад, вместе с Варей, после долгих поисков и сомнений? Оно мне чуть тесновато при примерке было... А вдруг я в это платье не влезу в день свадьбы?!»

Рита поняла, что боится повторения своей прежней жизни, того, что случилось с ней при Николае. Не он, конечно, был виноват в ее проблеме, но этот мужчина из ее прошлого, Николай Бортник, являлся теперь мощным напоминанием о ней.

«Придет, посмотрит, скажет что-нибудь...» – крутила Рита уже по десятому разу в голове, пока самой не надоело наконец. Она мысленно закричала: «Да он никто мне теперь, не имеет права делать мне замечания!...»

И вообще, может, бывший возлюбленный, когда появится здесь, увидит пусть и не худышку, но прежнюю, яркую Риту (каковой она себя чувствовала при первом знакомстве с Николаем). Да, может, Николай в нее влюбится опять?

Кажется, в первый раз Рита пожалела о том, что не привязана ни к одной из социальных сетей. Так она была бы в курсе жизни своих бывших приятелей, и Николая в том числе. Может, тот давно и счастливо женат, и Рите сейчас даже смысла нет думать о его реакции, когда он вновь встретит ее, свою бывшую возлюбленную...

Но Рита избегала социальных сетей давно и сознательно. Если вспомнить, то именно с сетей и началась ее депрессия. Эти бесконечные споры о толстых и худышках на форумах, яростные проклятия известных блогерш в адрес тех, кто весил больше обычного, в противовес этому – ответные выступления толстух в защиту лишнего веса, обсуждения диет и всевозможных лекарственных средств...

Рита ушла из виртуального мира, в котором велась непрерывная битва толстых и тонких, она сознательно устранилась от этой нескончаемой войны, постаралась сохранить нейтралитет и, что главное, свои нервы.

«Но не могу же я всю жизнь от всех прятаться! – с отчаянием напомнила она себе. – Сколько ни закрывай уши, все равно услышишь от кого-нибудь гадость... Вот как сегодня, с этой Эллой. И обязательно найдется человек, который скажет, что помнит меня прежней, или новый знакомый безапелляционным тоном заявит, что мне надо худеть, потому что полнота – это безобразно и вызывает проблемы со здоровьем. Я должна быть готовой ко всему, к любому удару судьбы. Удару? Не слишком ли много я на себя беру? Прямо душевную травму мне нанесли сегодня... Если я хочу стать счастливой, я не должна реагировать на внешние раздражители, не должна зависеть от оценки окружающих и, главное – от своих страхов...»

Рита полезла в сумочку за носовым платком и вдруг наткнулась в ней на визитку: «Евдоким Алексеевич Рудин, юрист, специалист по авторскому праву». И номера телефонов.

«Откуда это? А, это Эллочкин муж мне сунул. Вроде нормальный мужик, непонятно только, зачем он живет с этой особой, которая, кажется, не вполне адекватна... Стоп, сдался мне этот Евдоким Рудин! И какая разница – адекватна данная мадам или чокнутая?.. Мне нет дела до жизни этих людей!»

* * *

Евдоким оставил машину на подземной стоянке, поднялся в свою квартиру. И сразу после того, как открыл входную дверь и крикнул: «Элла, это я! Ты дома?» – понял, что сегодня предстоит скандал. Потому что ему никто не ответил. Лишь откуда-то из глубины квартиры доносилось невнятное бормотание телевизора. Жена точно находилась дома, но отзываться не собиралась.

В обычное время Элла всегда выходила мужу навстречу, обнимала, спрашивала, как дела. Когда жена была дома, но висела вот такая неопределенная, относительная тишина, наполненная лишь посторонними звуками или шумом бытовых приборов, – эта тишина означала приближение грозы. Грома и молний.

Можно было, конечно, не соваться в эпицентр урагана и сразу пройти в ванную, на кухню или спрятаться в своей комнате. Словом, сделать вид, что ничего не происходит. Но, как давно понял Евдоким, так только хуже. Если не обращать на Эллу внимания, обходить ее стороной – электрический разряд не уменьшится, а, наоборот, начнет неудержимо накапливаться. И тогда только держись...

Евдоким, предварительно постучавшись и не дождавшись ответа, зашел в комнату к жене.

Элла, переодевшаяся в домашнее платье, сидела на диване перед телевизором, положив ногу на ногу, а руки – скрестив на груди. Опасная поза, от которой тоже не следует ждать ничего хорошего. Добрая Элла обычно мягко-расслабленная, как кошечка, уютно свернувшаяся в клубочек, или разнеженно-вытянувшаяся, словно лениво потягивающаяся...

– Я вернулся. Ты чего не отзываешься-то?

Элла молчала, даже головы не повернула.

– Послушай, детка. Давай вот не будем опять...

– Пошел к черту! Скотина, – не поворачиваясь, быстро ответила Элла звенящим от ярости голосом.

– Почему я в этот раз скотина? – вздохнул Евдоким. «Ладно. Раз надо тебе выговориться – так выговорись уж побыстрее...» – мысленно обратился он к жене.

– Ты не стал меня защищать. Ты – мой муж, ты всегда должен быть на моей стороне.

– Я на твоей стороне, – миролюбиво произнес он.

– Ты видел, что эта тварь со мной сделала? Ты видел?!

– Ничего страшного. Платье тебе испачкали? Отстирается. Или в химчистку можно сдать. А давай тебе еще новое платье купим, а? И не одно, а несколько! Это же прекрасный повод сменить гардероб! Может, махнем в торговый центр? Я сегодня совершенно свободен, в суд ехать не надо, с документами работать – тоже...

– Ты издеваешься, – больным голосом произнесла жена и откинулась назад, на спинку дивана, лицом вверх – словно у нее силы кончились вмиг. – Зачем ты делаешь вид, будто ничего страшного не произошло? Тебя бы чем окатили, да еще нарочно! Ты понимаешь, что эта жирная тварь в меня кинула мороженым?

– Так. Давай поговорим об этом. Почему эта девушка сделала это. Почему же?

– Какая разница... Ты должен был меня защитить. Ты...

– Элла, ты же сама к ней привязалась, это ты ее спровоцировала, понимаешь? И ты не в первый раз задираешь прохожих. Ты вынуждаешь окружающих людей вести себя агрессивно, а потом пытаешься и меня втянуть в этот скандал. Я не хочу в этом участвовать, мне надоело.

– Значит, если меня начнут убивать, ты будешь стоять рядом и спокойно смотреть на это?

– Если тебя начнут убивать, я постараюсь тебя спасти. Но если в сложившейся ситуации нет никакой угрозы для твоей жизни и здоровья, я и в следующий раз не стану ничего пред-

принимать, просто опять утащу тебя с места происшествия. Чтобы ты поняла наконец – я в скандалах на публике участвовать не буду.

– Ты предатель! Ты предатель, ты это понимаешь?

– А ты – та еще провокаторша.

– Она сама со мной первая заговорила, эта корова...

– Так, ладно, почему она с тобой заговорила?

– Откуда я знаю, – несчастным голосом произнесла Элла. – Я просто шла мимо. Посмотрела на нее – ну так, мельком... Случайно. А она мне: «А мы разве знакомы?» – скрипучим голосом передразнила Элла.

– А дальше что?

– А дальше она кинула в меня мороженым.

– И ты не говорила с ней больше ни о чем, не называла эту девушку толстой, не поведала ей злорадно, что она никогда не выйдет замуж, а потом, когда эта Маргарита возразила, что у нее скоро свадьба, разве не ты заявила ей о том, что муж все равно ее бросит? Разве не так все было?

Нет?

Элла выпрямила спину, повернула лицо к Евдокиму, посмотрела на него полными слез огромными серыми глазами:

– Маргарита?! Ты что с ней общался?

– Да. Отвез тебя и вернулся обратно. Извинился. Мне не все равно, поверь, я каждый раз пытаюсь разобраться в происходящем. Но это оказалась нормальная, добрая девушка, которая сама от себя не ожидала подобного поступка... Она в шоке – от тебя, от самой себя, от всей этой ситуации.

– И ты ей поверил, не мне?

– Не знаю. Ты ведь часами сидишь на этих форумах в Сети, я же в курсе, в чьи блоги ты постоянно заходишь... В те, на которых обсуждают, какие все вокруг жирные коровы. Знаю я этих популярных блогерш, зожниц и фитоняш... – подумав, добавил Евдоким.

– Ты следил за мной?

– Ну как, остаются же в истории компьютера ссылки на все те сайты, куда ты заходила... Я не случайно, честное слово.

– Ты следил за мной?!

– Нет, – неуверенно буркнул Евдоким и вышел из комнаты. Отправился на кухню, заварил себе чаю.

В самом деле следил ли он за своей женой? И да и нет. Евдоким не ревновал Эллу – повода она не давала. Но он пытался *понять* свою жену. Что она за человек, о чем думает, чего хочет, как сделать эту женщину счастливой?

У Эллы имелась своя страничка в одной популярной соцсети. Там женаставляла свои фото, с ним, с Евдокимом, или с подругами в кафе, или публиковала селфи с пробежки в парке; время от времени жена постила, как и многие, котиков, щеночков; делилась какими-то забавными открытками, цитировала мысли известных людей... Сплошное мимики. На первый взгляд все мило, невинно и безмятежно – страничка молодой, счастливой женщины, пусть и не работающей нигде, но живущей полной жизнью.

Еще Элла посещала блоги известных сетевых журналисток, которые в основном призывали женщин следить за своим весом, внешним видом и то ругали, то хвалили известных персон – в зависимости от того, потолстели те или похудели. Вроде бы тоже ничего криминального, но уж больно агрессивно порой и хозяйки этих блогов, да и их читательницы отзывались о тех, кто не вписывался в рамки современных стандартов.

Евдоким искренне не понимал, зачем все это надо людям – комментировать чьи-то задницы. Днями, неделями и месяцами – одно и то же. И главное, почему обсуждение чужих

недостатков столь сильно волновало Эллу? Но, выходит, волновало, раз она решила и в реальность перебросить этот форумный негатив...

Все началось прошлым летом. Евдоким и Элла ехали от знакомых из дальнего Подмосковья, по дороге увидели реку, пляж. Заманчиво серебрилась вода на солнце, трепетали полотняные зонтики на ветру, доносился смех в приоткрытое окно машины... Вполне приличное, ухоженное место, судя по всему. Элла решила искупаться, благо купальник имелся под рукой. Но дальше случилось нечто странное. Когда они оба вышли на берег и оказались среди загорающих, Элла схватила мужа за руку и произнесла негромко, но довольно отчетливо и, главное, с отвращением и презрением, которые явно сквозили в интонациях ее голоса: «Боже, ты только посмотри! Это не пляж, а какое-то лежбище жирных тюленей...»

Какая-то полная дама, отдыхавшая совсем рядом, на лежаке, услышала эту фразу и мигом подскочила, сдвинув на кончик носа солнцезащитные очки: «Так, а кто это к нам, тюленям, пожаловал? Сушеной вобле здесь не место!»

Элла вдруг схватилась за сердце, повернулась к даме и произнесла теперь уже громко дрожащим от возмущения голосом: «Как вы меня назвали? Сушеной воблой?» «Послушайте, так нельзя!» – возмутился Евдоким, повернувшись к даме.

Откуда ни возьмись появился муж плотной дамы, вступился за жену... Начался скандал, дело чуть не до драки дошло, но, к счастью, появилась охрана, развела две противоборствующие стороны.

Тогда еще Евдоким ничего толком не понял, что же это такое произошло. Ехал в машине, пытался успокоить сидевшую рядом рыдающую жену (искупаться так и не получилось) – что, мол, ничего страшного, недоразумение...

Потом, уже осенью, Элла на вокзале в Москве опять осуждающе и прямо в лицо высказала свое «фи!» полненькой девице, на ходу жующей беляш... Девица оказалась не из тех, кто готов снести любое замечание, и тоже возмутилась. Опять дело чуть не кончилось дракой. Жена, похоже, считала своим долгом отчитывать полных людей за то, что они едят, пьют, любят и носят обтягивающую одежду.

А что было в феврале, когда они, Евдоким с Эллой, летели в Италию, а рядом с ними в салоне самолета расположилась дама весьма объемной комплекции... Элла тогда целый спектакль устроила, как только их обоих не высадили... Именно тогда Евдоким и понял, что у его жены какой-то пунктик насчет лишнего веса у окружающих ее дам.

Но если бы дело только этим пунктиком и ограничилось...

– Куда ты ушел? Мы еще не договорили. – Дверь распахнулась, и на кухню ворвалась Элла.

– Хочешь чаю? – обреченно предложил Евдоким.

– Ты тряпка, ты это знаешь? Ты не способен постоять за меня. Рядом с тобой я не чувствую себя в безопасности.

– Я тебе не нянька. Мне это все надоело. На. – Евдоким протянул ей чашку.

Элла оттолкнула его руку, чай пролился на пол, обжег Евдокиму руку.

– Черт, ты совсем рехнулась, мать, – сморщился он, сунул руку под кран с холодной водой.

– Я тебе не мать. Твоя мать, если ты помнишь, была сам знаешь кем... И как только ее твой отец терпел...

– Элла, я тебя прошу, не трогай мою маму, – уже с угрозой произнес он.

– Ты и ее защищаешь, да? Ты всех защищаешь, только не меня... – Жена с размаху дала Евдокиму пощечину. – Скотина! Урод! Ну ударь меня, ударь! – закричала она ему прямо в лицо, подойдя совсем близко.

Это был тот самый момент, которого Евдоким больше всего боялся. Каждый раз он давал себе слово – всё, случись еще так, он найдет в себе силы сдержаться. И каждый раз проигрывал эту битву. Потому что Элла уж неизвестно как, но умела закрутить ситуацию до самого предела.

Раз – и он срывался.

Вот и в этот раз вопреки всем своим надеждам он не выдержал и ударил жену. Вернее, схватил ее за волосы и отшвырнул от себя. А чего там швырять хрупкую, маленькую, тоненькую женщину... Она взяла да как пушинка через всю кухню и перелетела. Элла буквально впечаталась в противоположную стену и даже как будто прилипла к той на мгновение. А затем медленно сползла вниз, оставляя на стене темно-красный след. Рухнула на пол, подогнув тонкие босые ноги. Подняла лицо вверх – из носа у жены текла кровь, на скуле темнела, наливаясь малиновым, ссадина. «Что я наделал...» – с мрачным отчаянием подумал Евдоким.

Элла качнулась, застонала. И зарыдала, сцепив перед собой руки, с текущей по лицу кровью, зарыдала страшно, как в последний раз в жизни. Она рыдала, а он стоял и молчал, не понимая, как такое опять могло произойти. Как он мог поднять руку на эту маленькую, хрупкую женщину, на свою жену, единственного родного человека, оставшегося у него в жизни...

Холодный ужас все сильнее и сильнее захватывал Евдокима. И совсем не важно было, что Элла сама и довела эту ситуацию до точки кипения. Мало ли что она там довела, но он-то, мужик – должен был сдержаться и не бить женщину до крови?

Евдоким упал, вернее, тоже рухнул на пол, на колени, попытался обнять Эллу:

– Прости...

– Оставь меня... оставь меня! – сдавленным голосом, сквозь рыдания прошептала жена. Оттолкнула Евдокима, опять зашла в страшных рыданиях, от которых у него холодело сердце.

– Дай я посмотрю... у тебя кровь.

– Уйди!

– Послушай, надо к доктору...

– Уйди, я сказала.

– Я идиот. Я скотина.

Евдоким пытался обнять жену, она отталкивала его руки и рыдала, рыдала... До тех пор, пока силы у нее не кончились. Тогда Евдоким отнес ее в ванную, там принялся осторожно отмывать от крови.

– На вот пакет со льдом, приложи к переносице и к скуле. Держи, держи, я тебя умоляю! Где еще болит? Здесь? Здесь?

Элла уже не рыдала, а просто подергивалась, словно в агонии.

Евдоким перенес жену на кровать, задернул шторы, чтобы вечернее солнце не беспокоило заплаканные глаза жены. «Когда это вечер успел наступить, ведь только что утро было?» Мужчина лег с Элллой рядом, обнял ее. «Как я мог... ее, которая нежнее нежного...» – Он целовал жену в мокрые волосы, целовал ее руки.

– За что ты меня ненавидишь, за что... – едва слышно, со стоном пробормотала она.

– Я тебя люблю.

– С такой злостью, с такой яростью... Опять руку на меня поднял! Ты меня точно ненавидишь. Я тебя раздражаю, я давно заметила.

– Я тебя люблю! Ты меня своей пощечиной просто спровоцировала...

– Тебе плевать на мое мнение, на мои чувства. Ты всегда на стороне других людей. Ты именно меня считаешь виноватой во всем...

– Это я виноват, только я. Прости. Пожалуйста, прости.

– Я для тебя чужая. Я не нужна тебе. Я тебя раздражаю. Зачем же ты тогда живешь со мной, зачем?..

– Ты не чужая, ты самая главная для меня!

Элла долго укоряла мужа – шепотом, сквозь плач, бессильным от отчаяния голосом, а Евдоким чем дальше, тем сильнее ощущал свою вину. И главное, в нем все больше росло желание.

Он целовал мокрые от слез щеки жены, а самого чуть не разрывало изнутри... Элла жалобно стонала, и он тоже, уже не в силах сдерживать себя.

– Нет. Уйди. Я тебе только за одним нужна, ты меня не считаешь за человека...

– Элла, детка...

– Уйди. Ты меня убиваешь. Уйди!

Она отталкивала Евдокима, но вместе с тем он видел в полутьме, как она кусала себе губы. Дышала тяжело, и ее тело отзывалось на каждое его прикосновение. Элла вскрикивала, и эти короткие негромкие вскрики заводили мужчину еще сильнее.

Воздух в спальне давно стал плотным, горячим – словно огнем жег обнаженную кожу. Каждое прикосновение друг к другу, кажется, отзывалось фонтаном искр. Наконец они соединились, и это были невероятные, фантастические ощущения, ни с чем не сравнимые. Элла продолжала что-то говорить задыхающимся, тающим, прерывающимся голосом, и Евдоким тоже отвечал ей, и сам не помнил, что говорил.

Красновато-серая полутьма спальни набухала малиновым огнем, оранжевые вихри кружили вокруг... А потом пространство взорвалось, рассыпалось на мельчайшие разноцветные частицы.

Тишина.

– Детка. – Он приподнялся, поцеловал жену в лоб. – Если бы ты знала, как я люблю тебя, если бы ты только знала...

Элла засмеялась грустно, ничего не ответила.

Они, так и не разжав объятий, заснули.

Утром Элла выглядела такой печальной, покорной, что Евдоким опять почувствовал нестерпимое чувство вины и – все то же неукротимое желание.

И этот, второй раз, последовавший после семейного скандала, тоже отличался яркостью и необыкновенными ощущениями, немного отличавшимися от первого раза. Больше лирики, больше минора, еще острее и тоньше. Желтые, осенние нотки умирающей листвы.

Затем Евдоким отправился по своим рабочим делам, вернулся поздно.

Элла вышла навстречу, позволила поцеловать себя в щеку, все такая же печальная, но уже ирония сквозила в ее взгляде, в голосе. Из серии – «ну что теперь поделать, так уж вышло...»

Она приготовила простой ужин – тарелка с фруктами, несколько видов сыра, бутылка вина. Вроде бы ничего особого, но она показала, что не забыла о голодном муже. И потом, после ужина, опять у Евдокима с женой случился секс, и опять какой-то особенно яркий, но уже с иными, новыми ощущениями. Все такое зеленовато-голубое, переходящее в ясную синеву...

Так было каждый раз после семейной ссоры – они оба словно проходили через какую-то радугу, когда один оттенок страсти сменялся другим, чуть затихая, но продолжая удивлять...

Нос у Эллы выглядел чуть распухшим, под глазами пролегли тени, и багровела небольшая ссадина на одной из скул.

– Как ты, милая? – с великой осторожностью целуя ее лицо, спросил Евдоким.

– Была сегодня у врача, – с беспомощным смешком призналась жена. – Нос в порядке, не сломан. Ничего, пройдет. Врач спросил: это муж вас? А я – нет, упала с табуретки, когда кухню мыла. Кажется, он не поверил.

«Какая я скотина! Что же я творю, мужик, называется!» – с раскаянием подумал Евдоким. – Это хорошо, что ей на работу идти не надо, а так бы... даже не знаю... Юрист еще. Да меня первого посадить надо!»

На следующее утро Элла вела себя как-то особенно. Отношения Евдокима и Эллы отличались нежностью, проникновенностью, были настояны на взаимном обожании. Супруги понимали друг друга с полуслова, были терпеливы и ироничны, снисходительны...

Евдоким отправился в Москву, ему предстояло очередное судебное заседание, и по дороге в город он вдруг подумал: впереди долгие майские каникулы, отчего бы им с Эллой не отправиться куда-нибудь? В романтическое путешествие по Европе, например. Весна, все цветет, тепло. Красивые места, древние замки, музеи. Вечерами в фиолетовых сумерках можно сидеть в кафе за бокалом вина, смотреть друг на друга влюбленными глазами... Пожалуй, Элла будет рада такому путешествию. И даже не пожалуй, а точно.

Если вспомнить, то Евдоким старался всегда ее порадовать после семейной бури, словно пытался компенсировать страдания жены. Подарками, путешествиями.

Впереди возник затор на дороге. Евдоким затормозил, остановил машину, потер лицо ладонями, словно пытаясь смахнуть с него что-то. Нечто напоминающее невесомую паутину – липкое, щекочущее, неприятное.

Кажется, в первый раз Евдоким пытался осмыслить происходящее. Нет, он и раньше со скрупулезностью юриста пытался разобрать каждую такую семейную ситуацию (отчего она возникла, что послужило толчком для выплеска агрессии, и прочее), но теперь, похоже, настало время сделать *общие* выводы. Ведь он точно больше не хочет повторения того кошмара? Он не хочет быть извергом, избивающим свою жену? Нет! Хотя, надо честно признаться, – секс после таких скандалов казался просто фантастическим. И для него, и для нее, судя по всему.

Евдоким, стоя в пробке, достал свой ежедневник, принялся листать его, глядя на даты. В сущности, эти скандалы с женой происходили с определенной периодичностью. Несколько раз в год, каждый сезон. Первые годы – реже. Но чем дальше, тем чаще случались эти стычки. В Элле словно копилось недовольство. Копилось постепенно. А потом жена буквально взрывалась. И доводила Евдокима. Каждая поездка в ежедневнике означала, что поводом к ней случился очередной скандал. Нет, с себя Евдоким не собирался снимать вину за то, что он распускал руки, но ведь если вспомнить, то жена не гнушалась ничем, чтобы вывести его из себя. И оскорбляла его покойных родителей, и его самого, и руки распускала тоже... Словом, Элла добивалась того, чтобы Евдоким ударил ее. И чтобы непременно брызнула кровь, без крови Элла уже не могла как-то... И потом она рыдала, ой как она рыдала... А он, дурак, винился перед ней на коленях.

В последний год прибавились еще эти проблемы с окружающими, когда Элла начинала задираť какую-нибудь незнакомую даму, чья внешность казалась молодой женщине «неправильной».

В сущности, что получается? А то, что жизнь становилась все хуже и хуже. Промежутки между скандалами – короче, к ним присоединились и другие проблемы. Вот об этом свидетельствовали записи в ежедневнике. Такое впечатление, будто Элле чего-то не хватало, она вечно испытывала недовольство. Но секс, о, боги, какой секс у них был с женой после этих скандалов! – опять напомнил себе Евдоким.

А потом Элла ходила пусть и побитая, но тихая, спокойная, прекрасная в своей отрешенности. С ласковой, всепрощающей нежностью смотрела на мужа, который изводил себя чувством вины за то, что опять не сдержался.

И что же, смириться со всем этим? Ну да, такой вот у них странный брак, союз садиста с мазохисткой, что ж теперь... Но ведь Элла уже не может иначе, то есть ей непременно надо, чтобы муж избил ее до крови, ей надо увидеть кровь, а затем ужаснуться происходящему, утонуть в рыданиях, от которых у Евдокима рвется сердце...

Можно ли исправить эту ситуацию, устранить все эти скандалы или хотя бы сделать так, чтобы дело не доходило до битья? У Евдокима не получалось это сделать. Он вдруг вспомнил ту девушку, к которой Элла пристала на улице дня три назад.

Обыкновенная девушка, довольно милая. Пусть и не худышка, но весьма симпатичная. Что-то в ней было такое, да... На цветущий розан похожа. Ах нет, она не розан, она маргаритка! Крепко сбита, но не плотная, а словно воздушная. Очень хорошенькая. Очень. Пожалуй, из тех девушек, которым полнота идет. Зефирка, словом... Почему, с чего Элла вдруг привязалась к этой Маргарите? Мороженое та ела. Но это так мило, кажется. Не беляш же!

Сзади загудели, Евдоким наконец очнулся, тронул машину с места.

Когда он прибыл в Москву и занялся своим привычным делом, то проблемы семейные отошли на второй план. Ведь будни юриста, специализирующегося на защите интеллектуальной собственности (а именно это являлось спецификой работы Евдокима), – очень кропотливый, часто скучный процесс, состоящий из написания бумаг, составления договоров, писем, исков, жалоб, постоянной беготни по судам. Да и клиенты тоже особые, поскольку в основном они – творческие люди. У них нервы, у них эмоции, они импульсивны и часто несдержанны... Работая с ними, Евдоким был вынужден всегда держать себя в руках. Но что случится потом, когда эта безумная семейная жизнь окончательно расшатает его нервы? Тогда, не исключено, он может распрощаться со своей работой...

А если когда-нибудь семейная драка закончится не столь удачно и Элла получит тяжелую травму? Делать инвалидом свою жену Евдокиму совсем не хотелось, как не хотелось и садиться в тюрьму... И как родителей Эллы жалко будет, они нормальные люди, к Евдокиму относятся хорошо... Что делать-то? Нет, обязательно надо что-то придумать, иначе все эти игры закончатся больницей для Эллы и тюрьмой, потерей работы – для него, Евдокима. Не об отпуске надо думать, не о подарках и путешествиях (которые ничего не меняли, кстати), а о том, как исправить ситуацию!

Может, отправить Эллу на работу? Она ведь работала раньше в какой-то конторе до знакомства с будущим мужем... И образование у нее есть. Экономическое. Может, пойдет опять работать, и ей станет не до истерик?

Или жене надо родить? Но Элла пока не хотела детей, да и вообще... Нехорошо это – заводить ребенка только потому, что отношения в семье ухудшились... Он же, малыш, не таблетка какая, не панацея от всех бед. Рождение ребенка только обострит ситуацию, но не улучшит. Но сама ситуация – ненормальная, чего уж там! – опять с раздражением напомнил себе Евдоким.

Может, ему стоит пропить какие-то успокоительные, чтобы не срываться в те моменты, когда скандал норовит перерасти в драку? Эта мысль показалась Евдокиму наиболее удачной. В самом деле раз он мужчина, то он и должен нести ответственность за сложившуюся ситуацию.

Некоторое время назад Евдоким представлял в суде интересы известного психолога, психиатра, тоже, кстати, ведущего свой блог в одной из социальных сетей – Альберта Комиссаржевского.

Комиссаржевский разработал свою собственную уникальную методику лечения некоторых психических расстройств, и часть своих наработок публиковал в Сети. Эти материалы присвоил, а затем стал выдавать за свои и зарабатывать на этом деньги другой психолог, не слишком удачливый и известный. Евдокиму удалось доказать факт нарушения авторского права, «вор» был выведен на чистую воду и компенсировал Комиссаржевскому убытки, а сам Комиссаржевский остался весьма доволен работой Евдокима. Они даже общались довольно плотно некоторое время, по-приятельски...

«Обращайся ко мне, если что», – как-то напрямую произнес медик. «Нет, уж лучше вы к нам!» – отшутился тогда Евдоким, будучи уверенным, что помощь психиатра ему уж точно не понадобится. Но сейчас Евдоким почувствовал, что вот он, настал час. И это самый лучший вариант – попросить специализированной помощи в частном порядке.

Евдоким, закончив со своими делами в городе, отправил Комиссаржевскому короткое сообщение по электронной почте – может ли тот принять его в свободное время?

Ответ пришел неожиданно быстро: «Ты в Москве сейчас? Заходи».

Купив коньяка и каких-то колбасных нарезок в ближайшем супермаркете, Евдоким отправился к блогеру в гости. Жил Комиссаржевский в маленькой холостяцкой однушке на окраине Москвы.

Разговор начали с шуток, стеба, потом Евдоким, дабы не терять время, попросил Комиссаржевского посоветовать ему какое-нибудь хорошее успокоительное.

– Зачем? – поднял кустистые полуседые брови психиатр. – Тебе? Не дури, брат, да у тебя психика стабильнее моей в сто раз...

Пришлось Евдокиму рассказать о ситуации в своей семье.

Комиссаржевский слушал внимательно, шевелил своими выдающимися бровями. Задавал время от времени наводящие вопросы. Затем изрек:

– Не знал, что у вас в семье такое творится... Я же видел твою Эллу пару раз – сущий ангел. Хотя это и подозрительно, когда человек слишком уж ангелом кажется, еще тогда подумал, но не стал лезть, раз уж меня не спрашивали. Хочешь пропить успокоительное – пожалуйста, вот я тебе название лекарства на бумажке написал... Только не с тобой надо работать, а с твоей супругой, вот что я тебе скажу.

– Элла сходит с ума? – вздрогнул Евдоким.

– Нет. Я бы так не стал утверждать. Да и вообще, абсолютно здоровых с психической точки зрения людей мало... У Эллы скорее всего закрепился некий стереотип поведения. Да, это не совсем норма... Но и не болезнь. И не я вам с ней нужен, а скорее семейный психотерапевт, сексопатолог еще, возможно. Надо работать с ней, с Эллой, в первую очередь, мне кажется. Другой вопрос – захочет ли она. И ты – почему не хочешь ей подыграть, в конце концов? Ну нужны ей эмоции, конфликты, скандалы время от времени – пойдешь ты ей навстречу. Сам говорил только что, какое после этого у вас с ней яркое примирение бывает!

– Это не мои игры. Я ее не хочу бить. Бред какой-то получается, – покачал головой Евдоким. – А еще и скандалить с прохожими, с теми, к кому она вздумала привязаться. Я человек спокойный, рациональный. Да, от нашего секса после этих драк искры летят, но потом я себя очень хреново чувствую. Как будто меня выпотрошили...

– И это плохо. Получается, твоей жене нужны эмоции, а ты ей не даешь их. И она берет их у тебя, как умеет. Но и этого ей стало не хватать, раз она, как ты говоришь, стала в последнее время добирать их на стороне, затевая склоки с незнакомыми людьми... Вы просто два разных человека с ней, и, мне кажется, даже если вы и проработаете всю ситуацию у хорошего семейного специалиста, то принципиально ничего не изменится. Кстати, помню своих соседей по старой квартире, тоже специфическая пара. Она вроде твоей Эллы любила подобные фокусы. Дралась с мужем, он у нее полицейским работал, потом парочка мирились столь же бурно, на радость всему подъезду. И прохожих жена там тоже любила задирать (не так посмотрел, не то сказал, локтем толкнул) и тут же звала своего мужа – помоги, милый, меня обижают. Но он в отличие от тебя сразу лез на рожон, мог отмутузить «обидчиков» своей супруги. Только ничем хорошим это не закончилось. После нескольких таких разборок он вылетел из органов, потом его посадили... Ну, опять же жена спровоцировала его на выяснение отношений с очередными прохожими... Муж вышел из заключения, спился, с его супругой тоже не все хорошо. Я это к чему говорю-то... Даже если пару все устраивает в их семейных играх, не факт, что они, игрища эти, не выйдут рано или поздно для супружеской пары боком. Если тебе дорога Элла – борись за нее, сделай все возможное, чтобы изменить ситуацию. А если нет... Лучше отпусти. Уходи сам. Словом, подумай крепко. И это не совет специалиста, это совет от бывшего мужа, который сам со своей жизнью не смог справиться, хоть по профессии и «мозгоправ»...

Евдоким и Альберт долго еще болтали под коньячок, до позднего вечера, потом уже не на психиатрические, а на философские темы – о том, что такое брак; зачем брак мужчине и

зачем женщине; какие иной раз случаются причудливые, но тем не менее счастливые союзы и сколь несчастными бывают в браке обычные, нормальные люди...

Евдоким вызвал специального человека, который бы сел за руль вместо него (ну не вести же машину самому, пьяному, это уж точно безумие), и таким образом к поздней ночи добрался до Терлеца. Свой телефон Евдоким не доставал из кейса принципиально, хотя прекрасно понимал, что Элла давно искала пропавшего супруга...

Но он даже вспоминать не хотел о жене. Он думал о том, имело ли вообще смысл заключать этот брак... Слишком жестокое испытание для двух столь разных людей. Причем, если вспомнить, Евдоким всегда «ломал» себя под Эллу, под ее желания... Она же не пыталась уступить мужу хоть в чем-то. Да и поженились они потому, что Элла решила, будто она беременна. Тест этот специальный – бумажка с полосочками – что-то не то показал, что ли...

После свадьбы оказалось, что никакого ребенка не будет. Но вроде как Евдоким любил свою молодую жену. Элла скоро заявила, что ей тяжело работать, и стала домохозяйкой. Евдоким опять не протестовал и не возмущался – все как ты хочешь, милая... А на следующем этапе уже начались эти тяжелые скандалы. И чем дальше, тем глубже погружался Евдоким в семейную трясику, в этот странный распорядок жизни, который зависел от настроения Эллы.

Но теперь, после разговора с Комиссаржевским, Евдоким почувствовал в себе перемены. И вовсе не потому, что психиатр как-то особо «промыл» ему мозги. Да ничего такого значительного старый приятель не сообщил. Всего лишь одну фразу обронил, не самой глубокой мудрости: если тебе дорога Элла, борись за нее. Если нет, то и не надо. Отпусти.

А действительно, дорога ли Евдокиму Элла? Какой смысл бороться, когда их ничего не связывает? Зачем ломать себя, пытаться изменить ее... Может, пока молодые и нет детей, надо разойтись, стать счастливыми в других союзах?

– ...Где ты был? – Элла в ночной рубашке стояла посреди коридора. Несчастная, с раздраженным, тоскливым выражением лица. Еще не злая, но близко к тому. Повела носом: – Ты пил?!

– Пил. Со старым приятелем встретился.

– О нет... И как же ты доехал?

– Не я за рулем сидел.

– Алкаш ты, Рудин.

– Не надо меня оскорблять. Завтра поговорим. – Евдоким, скинув ботинки, плавно зашагал в сторону своего кабинета. «Там переночую. Только не с ней, не с ней...»

– Нет уж, давай сейчас.

– Детка, я пьян.

– Что, что ты хотел мне сказать? – Элла схватила его сзади за рубашку.

– Ладно. Скажу, – остановился он, повернулся и, выдохнув, произнес скороговоркой: – Расклад такой. Я больше терпеть это не намерен. Никаких скандалов, никакого битья. Еще раз устроишь мне спектакль – разводимся. К прохожим не приставать, еще раз учудишь скандал на улице – развод.

Он выдернул из ее рук свою рубашку, заперся в кабинете.

Утром проснулся с головной болью, несчастный и злой. Вышел на кухню – там сидела Элла. Пахло свежесваренным кофе, на столе – блюдо с румяными сырниками (Евдоким любил их на завтрак).

– Проснулся? – кротко спросила Элла. – Вот, это тебе. Сметаны надо? Или лучше таблетку? Знаешь, я всю ночь не спала, думала. Пожалуй, ты прав. Надо как-то менять свою жизнь. Я тебе обещаю – все теперь будет иначе. Никаких скандалов и ссор отныне...

* * *

– Лёва вчера заявил, что можно не приглашать фотографа на свадьбу, – негромко призналась Рита, одновременно прислушиваясь, как за стеной, в ванной комнате, шумит вода.

Она в это утро зашла в дом к будущей родне обсудить детали грядущей свадьбы. И Варя, сестра Льва, и Софья Петровна, их мать, с удовольствием участвовали в организации торжества.

Сидели на кухне, перед Софьей Петровной лежала раскрытая тетрадь, в которой будущая свекровь делала пометки. С планшетами, ноутбуками и прочими гаджетами Софья Петровна не дружила, хотя была еще довольно молодой женщиной – ей исполнилось всего лишь пятьдесят четыре года. А выглядела и того моложе, лет на сорок пять – пятьдесят, стройная, подтянутая, со смолянисто-черными кудрями... Видом Софья Петровна напоминала цыганку.

Варя тоже была черноволосой. Тоненькая и звонкая. Все они, и в первую очередь Лев, который в данный момент плескался в ванной, отличались какой-то особой, «правильной» – классической красотой.

– А кто же фотографировать будет? – удивилась Варя.

– Лёва предложил кандидатуру Кости. У Кости есть «зеркалка», вот он и будет нас снимать.

– Да что же это, нищие мы, что ли... – огорчилась Софья Петровна. – Как будто денег на профессионального фотографа нет! Костик же – раздолбай тот еще, ему ничего нельзя доверить... Напьется и заснет посреди свадьбы.

– А я знаю, почему Лев так сказал, – фыркнула Варя. – Больше чем уверена, что эту идею ему сам Костя подкинул. Сказал, поди – зачем тебе, Лёвчик, на фотографа тратиться, я сам все сделаю по дружбе...

– Точно, – тряхнула гривой смоляных кудрей Софья Петровна. – Именно так все и было, я уверена. Нет-нет-нет, никаких помощников в виде Костика на нашей свадьбе быть не должно... Пусть приходит, пусть пьет-веселится, но только не за свадебные фото отвечает... Ритуся, ты как жена обязана от Лёвы этих остолопов отвадить. Оба бездельники, эти его лучшие друзья, что Костя, что Руслан!

Рита засмеялась. Она в этот момент чувствовала себя частью большой семьи. Так редко случается, говорят, в наше время – когда не отстраняешься от новой родни, а, наоборот, вливаешься в ее ряды.

Рита со школьных лет дружила с Варей, вернее, не дружила, а так, приятельствовала. Болтали часто на переменах, иногда перезванивались. У Вари была своя компания, у Риты – своя. Но девочки изначально чувствовали друг к другу симпатию, не ссорились, не затевали интриг друг против друга.

Варя была первой красавицей, душой класса – как в школьные годы, так и позже. Не отличница, не самого примерного поведения девица, но обладающая редким даром объединять. Варя находила общий язык со всеми: и тихонями, и хулиганами, и отличниками, и двоечниками. Наверное, именно поэтому по окончании школы она оказалась неким объединяющим центром для бывших одноклассников.

Сталкиваясь на улицах Терлеца, Рита и Варя радостно улыбались друг другу, обменивались новостями. Софья Петровна, мать Вари, знала Риту с детства и очень хорошо к ней относилась.

Но вскоре на некоторое время Рита оказалась вдали от Терлеца – училась в Москве, в известном вузе, на факультете биологии. А когда вернулась, то узнала, что Варя чуть не вышла замуж, родила сына, отец ребенка никак не помогал ей... Работала теперь бывшая одноклассница парикмахером в салоне красоты. Но по-прежнему не унывала, являясь всеобщей любимицей.

мицей. Роды никак не отразились на Варя – все такая же стройная, подтянутая, эффектная. Оленинская порода, словом...

Варя часто заходила с сыном в ботанический сад, где теперь работала Рита. Они по-настоящему тесно сдружились, Рита стала заглядывать к Варя домой... А там – Лев, старший брат Вари. Недостижимо прекрасный тренер фитнес-центра. Рита никогда и не думала, что между ней и Львом могут возникнуть какие-то серьезные чувства. Уж больно разными они людьми были, Лев и Рита, принципиально разными.

Но Лев отличался тем же, оленинским характером – был приветлив со всеми и всеми любим. Он мило болтал с Ритой, они оба, сталкиваясь в доме Олениных, часто смеялись, шутили... Пока в один прекрасный день не оказались наедине. И их словно магнитом притянуло друг к другу. Лев назначил девушке свидание на следующий день. Они пошли в кино, целовались в темном зале, потом сидели в кафе, взявшись за руки.

Рита не ожидала, что за одним свиданием последует другое, затем третье... Не ожидала, что красавчик Лев влюбится в нее, по сути, в «синий чулок». В ботаничку, в прямом значении этого слова! Но он влюбился, мало того, оказался буквально привязан к Рите, послушен ей... Однажды девушка случайно подслушала разговор Руслана и Кости, приятелей Льва. Они между собой называли Риту «серым кардиналом» и сетовали на то, что у нее в полной власти оказалось все семейство Олениных: и Лев, и Варя, и Софья Петровна, и даже семилетний Алешка, сын Вари...

– Тсс, идет, – прошептала Рита, услышав, что вода в ванной комнате перестала шуметь.

Хлопнула дверь, и в коридор вышел Лев. В одних шортах, с полотенцем на плечах. Темные мокрые волосы взъерошены, капли воды на груди, на животе, на тех самых идеальных «кубиках», которыми не каждый мужчина может похвастаться; румяные щеки, глаза – светлосиние, яркие, блестящие...

– Чего это вы тут шепчетесь, а? – настороженно спросил Лев. – Ма-ам? Ты опять что-то затеяла? Не надо нам с Ритой никаких изысков... Я бы просто расписался, без всякой свадьбы, а все деньги на свадебное путешествие потратил бы! Да, Рит? Давай махнем куда-нибудь на Мальдивы, и фиг с ним, с банкетом?

– Здрасьте, а о нас ты не подумал? – возмутилась Варя. – Ишь... Нет уж, без свадьбы никуда!

– Иди, оденься лучше! – Софья Петровна рассердилась, стянула со Льва полотенце, им же и шлепнула сына.

Они, Ритины будущие родственники, вроде бы ругались и шумели, но делали это совершенно беззлобно, без агрессии.

Рита засмеялась, с нежностью глядя на Льва. Она до сих пор не могла поверить в то, что этот мужчина принадлежал теперь ей. Лев – ее жених, ее возлюбленный, ее будущий муж, чью фамилию она согласилась взять...

На первый взгляд Лев был совершенно обычным молодым мужчиной. Да, хорошая фигура, правильные черты лица. Эта классическая «правильность» Льва Оленина в первый момент знакомства с ним делала его будто безликим, напоминающим картинку из глянцевого журнала или рекламного ролика... И лишь при общении красота Льва начинала проявляться, становилась отчетливой. Как многие замечали, внешне он напоминал французского актера Алена Делона, когда тот был молод...

– Ритка... поди сюда! – с нарочитой, шутливой властью в голосе позвал Лев из гостиной квартиры.

– Иди уж, – усмехнулась Софья Петровна.

Рита отправилась на голос жениха. Лев стоял в одной из комнат уже одетый в белую рубашку и невозможно узкие, в облипочку, джинсы (как он умудрился в них втиснуться?). Он причесывался перед зеркалом.

– Да, мой господин? – ласково отозвалась она.

– Вечером встретимся, – деловитым шепотом произнес он, глядя на свою невесту в зеркало. – Ты только мать с Варькой особо не слушай, они тебе могут голову заморочить, я же знаю...

Он бросил расческу на подзеркальник, обнял Риту. Лев пах мылом, лосьоном после бритья, средством для укладки волос... От еще влажного тела веяло свежестью...

Лев, смеясь, поцеловал Риту.

– Ты меня любишь? – спросил он. – Ты меня мало любишь, я чувствую!

Иногда он представлял беспомощным, слабым мальчиком. Играл на контрастах. То слуга, то господин.

– Люблю. Ну как тебя не любить, такого хорошего... Слушай, ну что за узкие джинсы ты все время носишь... Это, наверное, вредно? А вдруг ты сядешь, а они лопнут у тебя сзади?

Лев захохотал. Кажется, ему ужасно нравилось, что о нем заботятся и беспокоятся. Он не мог без этой опеки со стороны – как одет? что поел? куда идет?... Опеки, которая, возможно, показалась бы другому мужчине навязчивой и мешающей. Лев же обожал ощущать внимание близких, даже в мелочах.

– погоди, телефон звонит... Ой, это же мой рингтон! – спохватилась Рита. Бросилась в коридор, достала из сумочки свой мобильный. На экране высветилось имя возлюбленного. – Лёва, это же ты?

– Да? – Жених не без труда вытянул из кармана узких брюк свой мобильный. – Точно. Случайно нажалось, видимо... Вот видишь, ты у меня первая в списке, самая главная. Отбой. Ладно, я побежал, начальство не любит, когда я опаздываю. Пока-пока...

Он еще раз расцеловал Риту и убежал, хлопнув входной дверью, оставив после себя шлейф нежных, чистых ароматов – мяты, арбуза, сандала...

Рита вернулась на кухню.

– Ну что, поговорила с ним? – спросила Софья Петровна.

– О чем?

– О фотографии! – улыбнулась Варя. – Забыла?

– Забыла, – вздохнула Рита. – Как твоего брата вижу – все, сразу голову теряю. Ладно, позвоню ему позже. Пойду, и мне пора. Всего доброго!

– Только обязательно ему позвони! – крикнула ей вслед Софья Петровна. – Я уже с фотографом из салона договорилась, не хочу, чтобы слухи ходили, будто я собираюсь отказаться от его услуг.

– Да, обязательно. До встречи!

Рита вышла из подъезда и на миг зажмурилась под ярким солнцем. Небо – синее, без единого облачка. За последние дни распустилась листва, и маленький город стоял весь зеленый. Пахло краской – это рабочие неподалеку старались улучшить вид забора.

На Риту вдруг навалилось ощущение счастья, настолько огромного, что ей даже стало трудно дышать. «Это я. Это моя жизнь. Это Лев. Это мои родные... Как я могу переживать из-за слов какой-то белобрысой пигалицы, которая упрекнула меня тем, что я ем мороженое, как я могу думать о каком-то Николае! Да все это мелочи, ерунда, которая и выеденного яйца не стоит по сравнению с тем счастьем, которым я обладаю!»

Рита посмотрела на часы. Прикинула – до начала рабочего дня еще есть время, сегодня у нее нет никаких экскурсий, так что можно опоздать. Тем более и начальства нет... Можно сходить ко Льву на работу и поговорить с ним насчет фотографа. Идея еще раз встретиться с возлюбленным показалась ей заманчивой, и она поехала в центр, где располагался большой спортивно-оздоровительный комплекс.

Войдя в мраморный, отделанный позолотой холл, Маргарита кивнула уже знакомой блондинке, сидевшей за стойкой администратора. Та приветливо улыбнулась ей в ответ. Рита свер-

нула за угол – длинный коридор вел к тренажерному залу. Мимо, гулко топая, пробежал кто-то знакомый...

– Привет, Маргарита!

– Привет. – Девушка, погруженная в свои мысли, очнулась. Оглянувшись, она поняла, что мимо нее только что пробежал Костя, друг Льва. «Может, стоит сначала поговорить с Костей? Как-нибудь деликатно намекнуть... Сказать, что Софья Петровна уже договорилась с фотографом и что очень жаль, но услуги Кости не понадобятся...» С этой мыслью Рита развернулась и направилась следом за Костей.

Скорее всего тот спешил в кафе – любимое место для посиделок друзей Льва. Обычно по утрам Костя и Руслан гоняли там травяные чаи, а вечерами сидели за кружкой пива, смотрели спортивные трансляции и знакомились с девицами.

Костя был сыном обеспеченных родителей, проводил свое время в праздности. Руслан – странный тип, который, как поняла Рита, был на содержании у дам в возрасте, посещавших фитнес-центр. Ни Софья Петровна, ни Варя не одобряли дружбы Льва с этими парнями. Будущие родственницы очень надеялись, что Рита сумеет отвести от него «неподходящих» знакомых. Рита же такой цели перед собой не ставила, однако решила, что, пожалуй, стоит донести до них: мир уже не будет прежним.

– ...она тут, Русик.

– Кто?

– Серый кардинал в юбке. Представляешь, на работу уже ходит, контролирует его...

– Ритка?

Голоса Кости и Руслана доносились из-за угла, где располагалось кафе. Вероятно, приятели стояли у барной стойки неподалеку от выхода и не подозревали, что акустика помещения делает их беседу слышной даже в коридоре. Рите не в первый раз приходилось подслушивать их разговор. Или эти парни были настолько беспечны, что их не волновал факт того, что их могут услышать. А может, они нарочно так себя вели, стремясь сделать больно Рите? Знали, что она рядом, и провоцировали ее?

– Дирижабль в розочках... Прет, как танк, меня не заметила даже.

– Я вот не понимаю, Кость, как наш Лев мог на такую деваху клюнуть. Вокруг него модели крутятся, на шею сами вешаются, а он Ритку выбрал.

– А я тебе говорю – она его приворожила, не иначе.

– Ты серьезно?

– Конечно. А как еще можно их свадьбу объяснить?

– Нет, но она ничего так, не сильно уродливая на лицо...

– А тело? Тело же – это главное, с телом спать потом придется многие годы! Толстая женщина – это не женщина. Все, кто больше сорок шестого размера, лично для меня не существуют. А у Ритки пятьдесят шестой, я думаю, не меньше.

«Пятьдесят второй... – машинально подумала Рита. – Господи, что я делаю, зачем я это слушаю!»

– Могла бы и похудеть. Собственный тренер рядом, бесплатный, считай! Но нет, ей лень...

Рита попятилась назад, подальше от бара. Слушать продолжение разговора Костика и Руслана ей совсем не хотелось. Эти парни жили в свое удовольствие. Спасибо, что хоть в лицо гадостей не говорили...

«И это близкие друзья Льва? Фу. Друзья должны поддерживать, понимать... Интересно, Лев в курсе того, как Костик с Русланом отзываются обо мне?»

Настроение у Риты испортилось. Она почувствовала, что глаза щиплют слезы. Юркнула вниз, под лестницу, села на подоконник. Надо было успокоиться, прежде чем искать Льва.

«Могла бы и похудеть! Тренер рядом!» – снова всплыло в голове. Действительно, многие знакомые Риты, услышав о том, кто по профессии ее жених, радостно говорили, что у нее теперь есть свой личный фитнес-тренер! И никто не подозревал, что Рита *не могла* воспользоваться услугами Льва. Вот не могла, и все тут. Какая-то психологическая загвоздка. Наверное, есть люди, которые радуются тому, что рядом с ними есть специалист (врач, к примеру), готовый помочь, но для иных вроде Риты это было табу. Да и у тех же врачей не принято оперировать своих близких. Проще доверить пациента опытному коллеге, чем самому сделать операцию. Учителя, говорят, тоже испытывают сложности, если в классе присутствует их родной ребенок, да и ребенку сложнее учиться у своего родителя...

Словом, как считала Рита, личное и профессиональное лучше не смешивать. Она хотела, чтобы ее тело, пусть и не самое совершенное, было объектом любви, но уж никак не тренировок. Не хотела слышать от Льва что-то вроде – вот эту мышцу тебе стоит подтянуть, а живот – подкачать.

Ее жених не должен высчитывать, сколько в ней жира, а сколько мышц, это асексуально. То есть, безусловно, Лев знает Риту всю, они же возлюбленные, и девушка – не прячется от него под одеялом, но если дело дойдет до совместных тренировок в спортивном зале под руководством Льва – то вся эта магия влюбленности развеется.

С другой стороны, Рита довольно долгое время наблюдала за Львом, за его знакомыми-коллегами еще до того, как стала его невестой. Да, бывало, что между тренером и его подопечными противоположного пола возникало притяжение. Девушки часто влюблялись в своего мускулистого и симпатичного инструктора... Но эти влюбленности и даже возникавшие за тем бурные отношения не длились долго.

В общем, Рита инстинктивно чувствовала – она не может довериться своему жениху как тренеру, иначе потеряет нечто важное в их отношениях...

Да и не любила Рита особо занятия в тренажерном зале. Только плавание доставляло ей радость. С помощью одного только плавания, конечно, не удастся радикально похудеть. Но Рита и не собиралась быстро сбрасывать вес, ведь что тогда с кожей станет, она повиснет складками... И вообще, сейчас Рита хотела делать только то, что нравилось, она боялась заставлять себя. Ведь как только она пыталась принудить себя к чему-то, пусть и полезному – ее организм начинал протестовать. Откуда-то вновь начинали появляться лишние килограммы...

Костик с Русланом, как и все остальные, конечно, не знали об этих заморочках Риты. В любом случае проблемы Риты их не касались. Никак. Друзья Льва не имели права обсуждать и осуждать невесту друга. Главное, что Лев счастлив с ней. И точка. Остальное не имеет значения: ни рост, ни возраст, ни национальность, ни религия, ни что-нибудь еще.

Рита встала, поднялась вверх по ступеням. Заглянула в тренажерный зал – много занимающихся, но Льва среди них не видно. «Ушел куда-то? Ладно, потом с ним поговорю... Да и настроения сейчас уже нет!» Она решила покинуть фитнес-центр через выход, который ей как-то показал сам Лев, другие посетители спортивного клуба о нем не знали. Так было ближе до «Эдема».

Дверь на первом этаже оказалась полураскрыта, и солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь небольшую щель, едва освещали темный холл, в котором было свалено оборудование. В углу целовалась какая-то парочка. Мужчина в облегающем спортивном костюме стоял спиной к Рите. Она хотела было уже пройти мимо, но какое-то шестое чувство заставило ее приглядеться... И точно! Предчувствие не обмануло ее – в мужчине она узнала своего жениха. Это его скульптурный, идеально-правильный затылок, его плечи, спина, обтянутые трикотажем бедра, открытые икры. Лев, ее жених, целовался сейчас в полутемном коридоре с какой-то девицей. С кем именно? Да какая разница... Из угла, где миловались эти двое, раздались стон и сдавленный смех.

«И вот не боится Лев, что его выгонят... На своем рабочем месте, можно сказать!» – с горечью подумала Рита. Осторожно, стараясь не шуметь, попятилась назад. И ринулась бегом по мягкому ковру – к главному выходу.

– Рита, пока! – помахала ей рукой блондинка-администратор, но девушка, ничего не ответив, выскочила наружу.

Залитый солнцем город, окутанный зеленью молодой листвы, на первый взгляд остался прежним. Ровно и не изменилось ничего. Но теперь Рита знала – все ложь. Все не так. Воздух здесь пропитан чем-то горьким, каким-то клейким противным ядом, как и те желтые чешуйки, что валялись на асфальте, от распутившихся тополиных сережек...

«А ведь я знала. Я ведь чувствовала. И все как во сне было, не по-настоящему. Слишком хорошо и красиво! Мне ведь чуть не в уши кричали – вы со Львом не пара. Только я не хотела ничего замечать».

Рита пошла куда глаза глядят, по длинному узкому бульвару, разделявшему центральный проспект. Потом вспомнила, что ее ждут на работе, позвонила Анисимовой, старшей научной сотруднице, которая временно исполняла в эти дни функции руководства, и сообщила, что не придет сегодня, плохо себя чувствует. Анисимова ничего против не имела, но строго напонила, что после майских праздников надо быть на работе как штык, поскольку прибудет новый директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.